
МЕЖДУНАРОДНЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

INTERNATIONAL AND CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF CRIMINAL JUSTICE

Научная статья

УДК 343.3/7

DOI: 10.17150/2411-6122.2022.1.7-19

О повышении эффективности уголовно-правового противодействия терроризму

А.В. Савинский

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, av_savinskiy@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в данной статье служат нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) антитеррористического характера. После принятия базового в сфере противодействия терроризму федерального закона «О противодействии терроризму» УК РФ дополнен пакетом новых антитеррористических статей (2051–2056), что существенно повысило его контртеррористический потенциал, уголовно-правовую защищенности личности, общества и государства от террористических угроз. Между тем действующие антитеррористические нормы не лишены недостатков. Путаница наблюдается с определением террористической деятельности: в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» и в ст. 2052 УК РФ она трактуется по-разному. Это способствует противоречивой следственной и судебной практике. Решение видится в унификации определения террористической деятельности, причем предпочтительнее выглядит дефиниция в редакции УК РФ (ст. 2052). Автор предлагает реконструировать составы преступления, предусмотренные ст. 2052 УК РФ (в части публичного оправдания терроризма, путем введения административной преюдиции) и ст. 205 и 207 (выведа угрозу совершения террористического акта в отдельный состав и отнеся к нему ложные сообщения об акте терроризма в отношении объектов социальной структуры либо в целях дестабилизации деятельности органов власти). Предложения автора также касаются правового обеспечения оперативного внедрения правоохранительных органов в преступные, в том числе террористические, организации. Предлагаются формулировки дополнений к ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ, а также введение мнимого соучастия — нового обстоятельства, исключаящего преступность деяния.

Ключевые слова: террористическая деятельность, террористический акт, угроза совершения террористического акта, преступления террористической направленности, публичное оправдание терроризма, оперативное внедрение.

Для цитирования: Савинский А.В. О повышении эффективности уголовно-правового противодействия терроризму / А.В. Савинский. — DOI 10.17150/2411-6122.2022.1.7-19 // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2022. — № 1. — С. 7–19.

Original article

On Improving the Efficiency of Criminal Law Counteraction to Terrorism

A.V. Savinsky

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, the Russian Federation, av_savinskiy@mail.ru

Abstract. The subject of research is the norms of the Criminal Code of the Russian Federation (further referred to as the CC RF) aimed at counteracting terrorism. After the enactment of the key counterterrorism Federal Law “On Counteracting Terrorism”, the CC RF was supplemented by a set of new antiterrorist Articles (2051–2056), which considerably improved its counterterrorist potential and the criminal law protection of individuals, the society and the state against terrorist threats. Meanwhile, the current counterterrorist norms have certain faults. The definition of terrorist activities is inconsistent: Art. 3 of the Federal Law “On Counteracting Terrorism” and Art. 2052 of the CC RF offer different interpretations, which contributes to contradictions in investigation and court practice. The solution can lie in introducing a unified definition of terrorist activity, and the definition in the edition of the CC RF (Art. 2052) looks preferable. It is suggested to reconstruct formal elements of crime under Art. 2052 the CC RF (in the part regarding the public justification of terrorism, by introducing an administrative prejudice), and Art. 205 and 207 (by making the threat of committing a terrorist act as separate crime, encompassing false information on terrorist acts against objects of social infrastructure or with the purpose of destabilizing the work of public authorities). The author presents some ideas on the legal support of planting an undercover police officer in criminal, including terrorist, organizations. The author also suggests the wording of amendments to Art. 75 of the CC RF and Art. 28 of the Criminal Procedure Code of the RF, as well as the introduction of false complicity — a new circumstance excluding the criminal character of the action.

Keywords: terrorist activity, terrorist act, threat of a terrorist act, terrorist crimes, public justification of terrorism, planting an undercover agent.

For Citation: Savinsky A.V. On Improving the Efficiency of Criminal Law Counteraction to Terrorism. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2022, no 1, pp. 7–19. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6122.2022.1.7-19.

В современной России предпринимаются значительные усилия политического, организационного, правового характера по повышению эффективности борьбы с терроризмом. При этом существенное значение придается совершенствованию уголовно-правовых антитеррористических норм. В соответствии с базовым в сфере противодействия терроризму федеральным законом «О противодействии терроризму»¹ УК РФ пополнился пакетом новых антитеррористических статей (205¹–205⁶). Реализуемые меры позволили повысить уровень защищенности личности, общества и государства от террористических угроз. Возросла результатив-

ность работы органов ФСБ и МВД по выявлению, предупреждению и пресечению террористических акций. Директор ФСБ России А.В. Бортников сообщил в прессе следующие данные: «... за последние 10 лет не допущено около 200 терактов. Речь идет о тысячах спасенных жизней. При этом, если в 2010 году предотвращалось всего 10 % таких атак, то в 2018 году — уже около 80 %, а в 2020 году — 96 %»².

По оценкам специалистов-террологов действующее российское антитеррористическое законодательство в целом соответствует международным стандартам и остроте террористических угроз. Вместе с тем оно не лишено, по нашему мнению, некоторых недостатков, нуждается в дальнейшем совер-

¹ О противодействии терроризму : Федер. закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ : (ред. от 18.04.2018 г., с изм. от 29.03.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² Комсомольская правда. 2021. 11 марта.

шенствовании. В данной статье излагаются предложения автора на этот счет.

1. Принятие в 2006 г. базового законодательного акта в сфере контртеррористической деятельности — Федерального закона «О противодействии терроризму» — потребовало существенной модернизации УК РФ. Он был дополнен ст. 205¹–205⁶, криминализовавшими различные деяния террористического характера, включенные базовым законом в понятие террористической деятельности. Однако, к сожалению, эти федеральные законодательные акты несколько расходятся в части некоторых положений.

Во-первых, в ст. 3 базового антитеррористического закона дается понятие террористического акта как «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях (выделено нами. — А.С.)». Почти полностью совпадает с этим определением новая редакция диспозиции ч. 1 ст. 205 «Террористический акт» (прежнее название «Терроризм»), введенная Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 153³, раскрывающая уголовно-правовое содержание террористического акта. Несоответствие состоит

лишь в том, что в базовом законе целью террористического акта и угрозы его совершения может быть, как дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, так и воздействие на принятие ими решений, а в ч. 1 ст. 205 УК РФ в качестве цели угрозы совершения террористического акта обозначено только воздействие на принятие решений органами власти и международными организациями (выделено нами. — А.С.). Считаем необходимым устранить данную коллизию, причем в пользу базового антитеррористического закона, т.е. в ст. 205 УК РФ возратить угрозе совершения террористического акта альтернативную цель — дестабилизацию органов власти или международных организаций. Дело в том, что на практике террористы своими угрозами нередко дестабилизируют деятельность органов власти или международных организаций для решения своих задач.

Во-вторых, в той же ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» понятие «террористической деятельности» определено казуальным способом, через указание деяний, так или иначе сопряженных с террористическим актом: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федер. закон от 27.07.2006 г. № 153 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3452.

осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

В соответствии с ФЗ от 27.07.2006 г. № 153 (и рядом других законодательных актов) в УК РФ были криминализованы те же самые деяния: в ст. 205¹ «Содействие террористической деятельности»; в ст. 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганда терроризма»; в ст. 205³ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; в ст. 205⁴ «создание террористического сообщества или участие в нем»; в ст. 205⁵ «Организация деятельности террористической организации или участие в ее деятельности», в ст. 205⁶ «Несообщение о преступлении». В названии, диспозициях и примечаниях новых антитеррористических статей УК РФ законодатель также ввел в уголовно-правовой оборот понятие «террористическая деятельность». Только вот ее трактовка — гораздо более широкая, нежели в базовом антитеррористическом законе. При этом, в разных статьях УК РФ ее понятие не единообразно: в ст. 205³ точно такое же, как в ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» (как совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–205⁵ УК РФ); в ст. 205² (примечание 2) существенно более широкое (как совершение преступлений, предусмотренных не только ст. 205–205⁶, но и ст. 205⁶, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ)⁴; в ст. 205¹ как

и в ст. 205², но с исключением ст. 205⁶ (несообщение о преступлении), а в ст. 205⁴ — нечто среднее между базовым законом и ст. 205² УК РФ.

Подобная путаница не только порождает различное понимание террористической деятельности, но и служит предпосылкой для судебных и следственных ошибок, противоречивой судебной практики. Выход из сложившейся путаницы видится в унификации понятия террористической деятельности. Наиболее полная и адекватная преступным реалиям дефиниция раскрыта, считаем, в ст. 205² УК РФ, подобное определение было бы целесообразно инкорпорировать и в ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму», а также привести в полное соответствие с ним ст. 205¹, 205³, 205⁴ УК РФ. В этом случае нынешние редакции статей с 205¹ по 205⁶ избавятся от двусмысленности, а их диспозиции будут носить более определенный характер.

Впрочем, не вполне понятна логика законодателя, отнесшего в ст. 205² УК РФ к террористической деятельности такие составы, как «незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами» (ст. 220) и «хищение или вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ» (ст. 221). Названные криминальные деяния, бесспорно, могут сопутствовать или способствовать террористической деятельности — предоставлять орудия и средства, определять мишени террористических атак, — но сами по себе все же ею не являются. Если же радиоактивные вещества или ядерные материалы будут использованы для совершения террористического акта, то ответственность наступит по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 и 221 или 220 УК РФ. Иными словами, никакой самосто-

⁴ Преступления, предусмотренные данными статьями УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ назвал преступлениями террористической направленности. Таким образом, между понятиями «террористическая деятельность» и «преступления террористической направленности» можно ставить знак тождества.

ятельной террористической составляющей данные преступления не содержат.

Примечательно, что при антитеррористической реконструкции Уголовного кодекса законодатель поступился одной из установок, которых придерживался со времени принятия УК РФ 1996 г.: криминализовал применительно к преступлениям террористической направленности такую из форм криминальной прикосновенности, как недонесение. Теперь несообщение компетентным органам власти о лице (лицах), которые по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершил хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205–205⁵, а также ст. 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, влечет уголовную ответственность. Только указанные преступления, заметим, удостоены такой «чести», что лишний раз подчеркивает их повышенную общественную опасность. Между тем, думается, что законодатель несколько «переборщил»: из названного перечня следовало бы исключить ст. 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма», по крайней мере, в части публичного оправдания и пропаганды терроризма в связи с их очевидно меньшей общественной опасностью по сравнению с другими преступлениями террористической направленности. Обоснованность такого вывода подтверждается тем, что законодатель признает факт меньшей общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, по сравнению с другими преступлениями террористической направленности: согласно ч. 5 ст. 78 УК РФ к лицам, совершившим преступления террористической направленности, за исключением предусмотренных

ст. 205² (выделено нами. — А.С.) не применяются сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

3. В действующей редакции ст. 205 УК РФ, по сути, на один уровень по степени общественной опасности поставлены реальное совершение террористического акта и угроза его совершения. Думается, это не вполне правильно. Все-таки угроза совершения — это лишь потенциальная опасность, а не свершившийся террористический акт, ее общественная опасность ниже и наказание, следовательно, должно быть менее строгим. С учетом сказанного угрозу совершения террористического акта следовало бы выделить в самостоятельный состав, предусмотренный отдельной частью ст. 205 УК РФ (к примеру, убийство и угроза убийством предусмотрены различными статьями действующего УК РФ) [1, с. 80–88].

4. Современная обстановка, на наш взгляд, побуждает к переосмыслению преступных деяний, предусмотренных ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» [2, с. 46–50; 3, с. 168–173]. В последние годы вал подобных злонамеренных сообщений (главным образом, телефонных, что и породило термин — так называемый «телефонный терроризм»⁵) о готовящихся актах терроризма буквально захлестнул многие российские регионы (Москва, Санкт-Петербург, Хабаровский край, Мурманская и Архангельская области и др.). По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, в период с 2018 г. по июль 2020 г. в целом по России по ст. 207 УК РФ

⁵ Термин не вполне корректный, так как подобные сообщения поступают также в почтовых отправлениях, подбрасываемых записках, электронных письмах, Интернет-постах т.д. Правильнее бы было называть данное явление «анонимным терроризмом».

осуждено 1 362 лица, из них 455 лиц по ч. 2 (в отношении объектов социальной инфраструктуры либо причинение крупного ущерба) и 3 (в целях дестабилизации деятельности органов власти)⁶.

Лже-террористы сообщают о якобы минировании и поджогах различных объектов, катастрофах самолетов и поездов, радиационных и газовых атаках и т.п. От телефонного терроризма страдают многие тысячи людей, парализуется работа органов власти, транспортной инфраструктуры, учреждений образования, культуры, здравоохранения. Материальный, моральный, да и политический ущерб огромен. Особенностью современного телефонного терроризма является то, что он становится средством подрывной антироссийской деятельности, о чем, в частности, свидетельствуют зарубежное «происхождение» массовых телефонных угроз, их очевидная скоординированность и нацеленность на наиболее значимые российские объекты. Телефонный терроризм, можно утверждать без натяжки, представляет сегодня угрозу уже не только общественной, но и в целом национальной безопасности России.

Не миновала напасть телефонного терроризма и Архангельскую область: в 2018–2020 гг. различным адресатам проследовало значительное количество подобных злонамеренных сообщений. Они поступают в основном в дежурные службы Региональных управлений МВД, МЧС и ФСБ, в справочные службы аэропортов и железнодорожных вокзалов, в органы исполнительной власти, образовательные и лечебные учреждения. Речь в таких злонамеренных сообщениях главным образом идет о якобы заминированных объектах транс-

портной инфраструктуры, местах проведения массовых мероприятий, школах, колледжах и вузах, учреждениях культуры, здравоохранения, готовящихся катастрофах самолетов и поездов, мишениях других террористических атаках. Во всех случаях осуществлялся комплекс мероприятий по локализации террористических угроз с задействованием аварийно-спасательных служб, правоохранительных органов, временно прерывалась производственная или служебная деятельность, проводилась эвакуация людей, осуществлялись поиск взрывных устройств специалистами-взрывотехниками и кинологами, комплекс оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по установлению злоумышленников и привлечению их к ответственности. По фактам анонимных звонков с угрозами по ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об актах терроризма» в 2018–2020 гг. в Архангельской области возбуждено 103 уголовных дела, осуждено 30 лиц, в ряде случаев причиненный ущерб взыскан в гражданско-правовом порядке с родителей (и иных законных представителей) малолетних правонарушителей.

Как бы то ни было, повышение эффективности противодействия телефонному терроризму с необходимостью выходит на повестку дня для российских правоохранительных органов. В первую очередь, несомненно, необходимо совершенствование комплекса политико-организационных, информационных, контрразведывательных, оперативно-розыскных и охранно-режимных мер. Тем не менее, не стоит сбрасывать со счетов и резервы уголовного-правового характера.

Как представляется, с учетом многократно возросшей общественной опасности телефонного терроризма нынешняя редакция ст. 207 УК РФ «Заве-

⁶ Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://cdcp.ru/index.php?id=5>.

домо ложное сообщение об акте терроризма» уже не в полной мере адекватна степени угроз безопасности личности, общества и государства. В действующей редакции данной статьи — четыре части, в которых криминализованы заведомо ложные угрозы об акте терроризма, совершаемые: ч. 1 — по хулиганским мотивам; ч. 2 — в отношении объектов социальной инфраструктуры; ч. 3 — с целью дестабилизации деятельности органов власти и международных организаций; ч. 4 — повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

На наш взгляд, заведомо ложные сообщения об акте терроризма, предусмотренные ч. 2 и 3 — по своей уголовно-правовой природе являются не чем иным, как угрозой совершения террористического акта и, следовательно, должны квалифицироваться по ст. 205 УК РФ. Такая констатация, думается, не противоречит догме уголовного права. Важным обстоятельством, приводящим к данному выводу, выступает совпадение одной из целей террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) и квалифицированного ложного сообщения об акте терроризма (ч. 3 ст. 205 УК РФ) — дестабилизация деятельности органов власти и международных организаций. Другим убедительным про-аргументом можно считать ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». В ней прописано, что такая угроза признается преступной, если имеются основания опасаться ее реализации. «При этом, — пишет А.Ю. Захаров, — определяющее значение имеет субъективный характер восприятия данной угрозы потерпевшим» [4, с. 362].

По признаку реальности восприятия угроз у рассматриваемых преступных деяний также наблюдается совпадение. Разве в случае заведомо ложного сооб-

щения об акте терроризма, нет реальных оснований опасаться угрозы взрыва, поджога, иных устрашающих действий, которые могут привести к гибели людей, причинению значительного материального ущерба либо наступлению иных опасных последствий? Именно реальность таких опасений и вынуждает органы исполнительной власти проводить комплекс затратных в материальном и морально-психологическом отношении мероприятий по недопущению реализации террористических угроз.

С учетом высказанного выше предложения о выделении угрозы совершения террористического акта в самостоятельный состав в отдельной части ст. 205 УК РФ, в ней же считаем целесообразным закрепить и ответственность за деяния, ныне предусмотренные ст. 207 УК РФ о заведомо ложном сообщении об акте терроризма на объектах социальной инфраструктуры (ч. 2) и в целях дестабилизации деятельности органов власти и международных организаций (ч. 3). Для этого потребуются, повторимся, возратить угрозе совершения террористического акта цель дестабилизации деятельности органов власти и международных организаций.

После предлагаемой реконструкции диспозиции ст. 205 и 207 УК РФ приобретут следующий вид:

Статья 205 «Террористический акт»

1. *Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, — наказываются....*

1¹. Угроза совершения тех же действий в тех же целях, а также заведомо ложное сообщение о готовящихся тех же действиях в отношении объектов социальной инфраструктуры или с целью дестабилизации деятельности органов власти либо международных организаций, — наказываются...

2. Деяния, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи и далее текст в действующей редакции.

3. Остается в действующей редакции.

Примечание — остается в действующей редакции.

Статья 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»

1. Остается в действующей редакции.

2. Утрачивает силу.

3. Утрачивает силу.

4. Остается в действующей редакции.

5. Еще один вопрос, требующий законодательного вмешательства. Одним из преступлений, вызывающих сегодня неоднозначную реакцию в российском обществе, является «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма». Оно предусмотрено ст. 205² УК РФ с аналогичным названием, введенной среди прочих статей после принятия базового антитеррористического закона «О противодействии терроризму». Точнее, речь идет о ч. 2 данной статьи, криминализующей среди трех альтернативных деяний и публичное оправдание терроризма, совершаемое с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

В условиях почти поголовного пользования населением России, особенно молодежью, услугами «Интернета» все

социально значимые события, в том числе совершаемые преступления террористической направленности неминуемо становятся предметом бурного обсуждения в сети, в том числе преступления, предусмотренные ст. 205² УК РФ.

Что касается публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или пропаганды терроризма, общественная опасность и преступная сущность этих деяний, уголовное преследование в связи с их совершением с пониманием воспринимается общественностью. Ибо лица, публично призывающие к осуществлению террористической деятельности или пропагандирующие терроризм, и сами являются очевидными приверженцами теории и практики терроризма. Поддерживать их могут лишь такие же одиозные личности.

Несколько иначе обстоит дело с публичным оправданием терроризма. Вокруг этого преступления в сети «Интернет» наблюдается, без преувеличения, общественный ажиотаж, ведутся острые дебаты среди молодого поколения россиян. Обсуждение порой ведется чрезмерно эмоционально, во многих случаях без оглядки на возможные юридические последствия, нередко комментарии выходят за установленные уголовным законом рамки.

Впрочем, следует признать, что границы дозволенного и недозволенного в части оправдания терроризма ст. 205² УК РФ определяет весьма неопределенно. Диспозиция этой статьи простая, ограничивающаяся названием запрещаемых деяний без раскрытия их содержания (правда, краткое понятие публичного оправдания терроризма дано в примечании 1 к данной статье: публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании).

«Публичное оправдание терроризма, — пишет А.И. Рагог, — в соответствии с примечанием к ст. 205² УК РФ означает публичное заявление виновного о том, что он считает идеологию и практику терроризма правильными и потому заслуживающими поддержки (политической, финансовой, организационной и т.д.) и подражания» [5, с. 546].

Действия по публичному оправданию терроризма, как полагает В.П. Степалин, могут выражаться как в прямой, так и в завуалированной форме, например, в литературных произведениях, кинофильмах, в которых с приведением различных доводов политического, социального, религиозного, националистического характера идеологически обосновывается допустимость терроризма, а террористы представляются в образе положительных героев, заслуживающих поддержки, подражания и уважения [6, с. 568].

Что и говорить, в условиях указанной правовой неопределенности нелегко неискушенному в юриспруденции молодому человеку определить, какие его интернетовские пост, репост, мессидж, а то и лайк являются лишь излишне эмоциональным выражением собственного мнения, свойственным молодежи желанием пооригинальничать, выделиться среди других, а какие уголовно наказуемым публичным оправданием терроризма. Уголовное же наказание за деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 205² УК РФ (в том числе за публичное оправдание терроризма) суровое: штраф в размере от трехсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо лишене свободы на срок от пяти до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет. К этому

следует добавить жесткие финансовые и информационные ограничения, налагаемые на фигурантов дел о публичном оправдании терроризма Росфинмониторингом и Роскомнадзором.

Учитывая несомненно более высокую общественную опасность публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и пропаганды терроризма по сравнению с публичным оправданием терроризма, было бы логично «развести» составы этих деяний, как простые, так и квалифицированные, по отдельным частям ст. 205² УК РФ.

Проблема неполной определенности законодательного закрепления публичного оправдания терроризма неминуемо встает перед следователями и судьями, служит благоприятствующим фактором для порой излишне широкого толкования и применения норм рассматриваемой статьи. Решающее значение в этих условиях приобретают результаты лингвистических экспертиз. Их проведение поручается чаще всего преподавателям-филологам вузов, которые, мягко говоря, далеко не все профессионально компетентны в вопросах терроризма [7, с. 12]. Это обстоятельство не способствует объективности экспертных выводов и в конечном итоге законности и обоснованности принимаемых уголовно-процессуальных решений.

Так или иначе, но количество уголовных дел, возбуждаемых по ст. 205² УК РФ, неуклонно возрастает, причем, как свидетельствует практика, главным образом за счет уголовного преследования за публичное оправдание терроризма в сети «Интернет». Это подтверждают статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Количество осужденных по ст. 205² УК РФ: в 2016 г. — 55 чел. (из них 4 по ч. 2); в 2017 г. — 96 чел. (из них 15 по ч. 2); в 2018 г. — 120 чел. (из них

52 по ч. 2); в 1-е полугодие 2019 г. — 103 (из них 57 по ч. 2); в 1-м полугодии 2020 г. — 58 чел. (из них 43 по ч. 2)⁷.

Наблюдающийся диссонанс между неопределенным законодательным содержанием публичного оправдания терроризма и жесткой реакцией государства на его совершение вызывает недоумение и протестные настроения, особенно в молодежной среде. Появляются «обиженные» (возможно, действительно, в некоторых случаях наказанные излишне строго), рядящиеся в тогу «страдальцев за правду», которые сами и их радители нагнетают страсти среди пользователей «Интернетом», генерируют общественное недовольство, недоверие к правоохранительным органам, да и вообще органам власти. Все это, думается, никоим образом не способствует общественно-политической стабильности, столь необходимой для решения сложнейших социально-экономических задач, стоящих перед российским государством и обществом.

Как же быть? Приемлемый выход, думается, есть. Совсем недавно схожая ситуация наблюдалась вокруг ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Вокруг нее тоже кипели нешуточные страсти. В целях разрядки общественной напряженности, повышения эффективности правоприменения законодатель ввел в данную статью административную преюдицию [8; 9, с. 35–41; 10, с. 20–24; 11, с. 4–11]. Теперь к уголовной ответственности по ее ч. 1 можно привлечь лицо, которое в течение года привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние (по ст. 20.3.1 КоАП РФ). Эта правовая новация позволила

существенно оздоровить обстановку, ограничивать подлинных экстремистов от заблуждающихся лиц. В итоге количество дел по ст. 282 УК РФ заметно уменьшилось. Это и понятно, ибо согласно общей теории предупреждения преступлений привлечение к административной ответственности является не чем иным, как непосредственным видом частной специально-криминологической профилактики [12, с. 125–131].

Аналогичным образом, думается, следует поступить и в отношении публичного оправдания терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», предусмотренного сегодня ч. 2 ст. 205² УК РФ, — законодательно трансформировать данный состав преступления в административно-преюдициальный. Для этого потребуется: а) выделение в самостоятельные части ст. 205² УК РФ как простых, так и квалифицированных (с использованием СМИ или сети «Интернет») составов публичных призывов к совершению террористической деятельности или пропаганды терроризма и публичного оправдания терроризма. В части, посвященной квалифицированному оправданию терроризма, указать на добавочный квалифицирующий признак — совершение лицом, подвергнутым административному взысканию (скажем, в течение одного или двух лет) за аналогичное деяние; б) дополнить КоАП РФ новой статьей «Публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма».

6. Одним из главных условий эффективного противодействия терроризму (как и вообще организованным формам преступности) является наличие у правоохранительных органов и эффективная деятельность надежных источников оперативной информации в преступных структурах. В их качестве выступают внедренные в такие струк-

⁷ Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://cdcp.ru/index.php?id=5>.

туры конфиденты (лица, оказывающие органам ФСБ и МВД конфиденциальное содействие), а также действующие под глубоким прикрытием оперативные работники. Решать задачи по оперативному проникновению и разработке террористических структур призвано оперативно-розыскное мероприятие «оперативное внедрение» [13, с. 246–250; 14, с. 190–194]. Однако, к сожалению, его уголовно-правовое обеспечение находится на низком уровне.

Еще в 1995 г. российский законодатель сформулировал в ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскное основание деятельного раскаяния. Эта норма, по замыслу законодателя, создавала предпосылки для оперативного проникновения в преступные (в том числе террористические) структуры, ибо предполагала освобождение от уголовной ответственности тех участников преступных групп (не совершивших преступлений с тяжкими последствиями), которые дают согласие на конфиденциальное сотрудничество и активно способствуют раскрытию преступлений⁸. Однако столь необходимая норма так и оставалась недействующей ввиду того, что оперативно-розыскное основание деятельного раскаяния не было включено в УК РФ и УПК РФ.

В целях легитимации оперативно-розыскной вариант деятельного раскаяния автор предлагал дополнения к действующему уголовному и уголовно-процессуальному законодательству (они не утратили актуальности и по сей день), после внесения которых соответствующие нормы УК РФ и УПК РФ приобрели бы следующий вид:

⁸ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

– ч. 2 ст. 75 УК РФ «Деятельное раскаяние»: *«Лицо, совершившее преступление иной категории, при наличии условий, предусмотренных частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, а также ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;*

– ч. 2 ст. 28 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием»: *«Прекращение уголовного преследования лица по уголовному делу о преступлении иной категории по основаниям, указанным в части первой настоящей статьи, возможно только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»* [15, с. 219–223].

Но одно дело осуществить оперативное проникновение в преступные (в том числе террористические) структуры. Не менее важно еще создать благоприятные и безопасные (в физическом и юридическом смысле) условия для действий внедренных лиц в целях результативной разработки преступных, в том числе террористических, организаций. Проблема эта очень сложная, вряд ли ее уместно раскрывать в рамках данной статьи. Тем более она уже достаточно освещена в ряде других научных работ [16, с. 40–41].

Отметим лишь, что в целях их уголовно-правовой защищенности лиц, внедренных в преступные (в том числе и террористические) организации вносились (и не теряет актуальность!) предложение по дополнению перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), новым обстоятельством такого рода — мнимым соучастием

ем. Главу 8 УК РФ предлагается дополнить ст. 42¹ «Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (мнимое соучастие)» в следующей редакции:

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в преступную организацию или организованную группу органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, если это лицо действовало в состоянии мнимого соучастия, т.е. во исполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность,

при правомерном выполнении своего служебного или общественного долга.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающему в роли организатора и подстрекателя совершения преступления, а также совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье людей, с угрозой экологической катастрофы [15, с. 224–228].

Автор будет удовлетворен, если высказанные в статье предложения поспособствуют дальнейшему повышению эффективности противодействия терроризму.

Список источников

1. Мусаелян М.Ф. Террористический акт: уголовно-правовой аспект / М.Ф. Мусаелян. — Москва : Юрлитинформ, 2009. — 216 с.
2. Ковлагина Д.А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма / Д.А. Ковлагина // Уголовное право. — 2019. — № 6. — С. 46–50.
3. Кудрявцев В.Л. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: состав и отличие от иных смежных составов преступления / В.Л. Кудрявцев // Вестник Южно-Уральского профессионального института. — 2014. — № 1 (13). — С. 168–173.
4. Уголовное право России. Части общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2016. — 1184 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2014. — 960 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. — 13-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2013. — 1069 с.
7. Бурковская В. Новая редакция ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: старые проблемы // Уголовное право. — 2004. — № 2. — С. 12–14.
8. Безверхов А.Г. Возвращение «Административной преюдиции» в уголовное законодательство России / А.Г. Безверхов // Российская юстиция. — 2012. — № 1. — С. 48–53.
9. Дворников А. Некоторые проблемы имплементации административной преюдиции в уголовное законодательство / А. Дворников // Уголовное право. — 2019. — № 2. — С. 35–41.
10. Долгих Т. Вопросы, возникающие при квалификации действий по статье, содержащей административную преюдицию / Т. Долгих // Уголовное право. — 2019. — № 3. — С. 20–24.
11. Алаторцев А.Ю. Новые разъяснения Пленума ВС РФ об уголовной ответственности за экстремизм в Интернете в контексте принципа правовой определенности / А.Ю. Алаторцев // Уголовное право. — 2017. — № 2. — С. 4–11.
12. Алексеев А.И. Криминология : курс лекций / А.И. Алексеев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Щит, 2001. — 332 с.
13. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник / А.Ю. Шумилов. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва : Изд. дом Шумиловой И.И., 2007. — 375 с.
14. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А.Г. Маркушин. — Москва : Юрайт, 2012. — 399 с.
15. Савинский А.В. Актуальные проблемы юридической регламентации оперативно-розыскной деятельности / А.В. Савинский. — Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2010. — 405 с.

16. Пархоменко С. Причинение вреда при выполнении специального задания / С. Пархоменко // Законность. — 2004. — № 8. — С. 40–41.

References

1. Musaelyan M.F. *Terrorist act: Criminal-Legal Aspect*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 216 p.
2. Kovlagina D.A. The Problems of Differentiation of Liability for a Patently False Report on an act of Terrorism. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 6, pp. 46–50. (In Russian).
3. Kudryavtsev V.L. Obviously Untrue Report on the Terrorism ACT: Structure and Difference from other Adjacent Rime Structures. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo professional'nogo instituta = Bulletin of the South Ural Professional Institute*, 2014, no. 1, pp. 168–173. (In Russian).
4. Brilliantov A.V. (ed.). *Criminal Law of Russia. Parts General and Special*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 1184 p.
5. Rarog A.I. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. 10th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 960 p.
6. Lebedev V.M. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. 13th ed. Moscow, Yurait Publ., 2013. 1069 p.
7. Burkovskaya V. New edition of Art. 282 of the CC of the RF “Instigation of Hatred or Animosity, as well as the Violation of Human Dignity”: old problems. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2004, no. 2, pp. 12–14. (In Russian).
8. Bezverkhov A.G. The Return of “Administrative Prejudice” to the Criminal Legislation of Russia. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 1, pp. 48–53. (In Russian).
9. Dvornikov A.A. Some Problems of Implementation of an Administrative Prejudice into Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 2, pp. 35–41. (In Russian).
10. Dolgikh T. Questions arising in the qualification of actions under an Article containing an administrative prejudice. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 3, pp. 20–24. (In Russian).
11. Alatorsev A.Yu. New Explanations of the Plenum of the Supreme Court on Criminal Liability for Extremism on the Internet in the Context of the Principle of Legal Certainty. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 2, pp. 4–11. (In Russian).
12. Alekseev A.I. *Criminology*. 2nd ed. Moscow, Shchit Publ., 2001. 332 p.
13. Shumilov A.Yu. *The Course of the Basics of Operational-Search Activity*. 2nd ed. Moscow, Shumilova I.I. Publ., 2007. 375 p.
14. Markushin A.G. *Operational-Search Activity*. Moscow, Yurait Publ., 2012. 399 p.
15. Savinsky A.V. *Actual Problems of Legal Regulation of Operational-Investigative Activities*. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University Publ., 2010. 405 p.
16. Parkhomenko S. Causing harm during the fulfillment of a special task. *Zakonnost' = Legality*, 2004, no. 8, pp. 40–41. (In Russian).

Информация об авторе

Савинский Александр Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, av_savinskiy@mail.ru.

Information about the Author

Aleksandr V. Savinsky — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Law and Process, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, the Russian Federation, av_savinskiy@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 29.03.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.12.2021

Принята к публикации / Accepted 03.03.2022

Дата онлайн-размещения / Available online 11.04.2022